

В. Шкловский также упоминал о связи творчества Гончарова и Карамзина, имея в виду прежде всего «Записки русского путешественника» и «Фрегат „Паллада“»: «Имени Карамзина Гончаров не забывал никогда < . . . > Гончаров — человек, для которого Карамзин долго оставался живым литератором < . . . > О Карамзине нам напоминает описание природы с повторами и обращениями к читателю, ссылки на забытого Геснера (в описании Ликейских островов) и больше всего — внутренняя полемика с книгой знаменитого зачинателя русской прозы».⁵

Знакомство будущего романиста с произведениями Карамзина началось еще в раннем детстве. Этот факт отмечен в его автобиографиях, причем в одной из них имя Карамзина упоминается дважды. В период пребывания в пансионе священника Ф. С. Троицкого Гончаров читает исторические книги Карамзина, знакомится и с его поэзией, которая, судя по всему, не произвела на него большого впечатления. Нет сомнения и в том, что в это же время мальчик, буквально зачитывавшийся путешествиями (им были прочитаны книги Д. Кука, С. П. Крашенинникова и т. д.), не прошел мимо «Записок русского путешественника». Более глубокое осмысление творчества Карамзина происходит уже в Московском университете. Именно теперь Гончаров осознает, чем же прежде всего ему близок и дорог автор «Бедной Лизы». В автобиографии 1858 г. он акцентирует весьма важный момент: «Юношеское сердце искало между писателями симпатии и отдавалось тогда Карамзину по горячим его следам, может быть, не как историку, особенно потому, что кафедру истории занимал тогда Карамзин, и не как поэту, потому что Карамзин не был художник, но как гуманнейшему из писателей».⁶ Очевидно, что Гончаров выделил для себя карамзинскую прозу и публицистику. Значение этого признания трудно переоценить. В письме к А. Н. Пышину от 10 мая 1874 г. романист вновь касается данной темы: «Про себя я могу сказать, что развитием моим и моего дарования я обязан прежде всего влиянию Карамзина, которого тогда еще только *начинали переставать* читать, но я и сверстники мои успели еще попасть под этот *конец*, но, конечно, с появлением Пушкина скоро отрезвлялись от манерности и сентиментальности французской школы (я говорю об искусстве), которой Карамзин был представителем. Но тем не менее моральное влияние Карамзина было огромно и благодетельно на все юношество» (VIII, 421).

Можно понять, о каком *моральном* влиянии говорит Гончаров. Карамзин дал гончаровскому поколению русских людей понятие о ценности человеческой личности, индивидуальности, о чувстве человеческого достоинства. . . Условно говоря, «западническое»

⁵ Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955. С. 224—225.

⁶ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 222. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).